

Еще год назад автор этого материала даже не предполагала возможности его публикации на страницах альманаха. Он мыслился всего-навсего как часть личного архива о частных коллекциях, в которых хранятся произведения одесских мастеров. И лишь неожиданная встреча с Григорием Бурле, приехавшим на родину из далекого Израиля летом прошлого года, стала поводом рассказать читателям о его собрании живописи и графики. Это желание, не скрою, подогревал как всегда увлекательный факт общения с бывшим одесситом, судьба которого — непростое пересечение прошлого и настоящего, запечатленная содержанием его прекрасной коллекции. В ней собраны работы уже известных в художественном мире авторов и тех, кого слава не баловала своим расположением. Встреча зафиксирована как интервью, с единственной целью передать живую речь и рассуждения Григория, хотя преамбулой к ней, конечно же, станет удивительное путешествие его коллекции с берегов Черного моря в далекую страну, где ей суждена дальнейшая жизнь.

Уезжал в Израиль Г. Бурле, как и многие его соотечественники в те годы, по идейным убеждениям. Его багажом была прежняя жизнь в виде собственных работ, подарков друзей-художников, приятелей и просто знакомых. Это богатство, а Бурле до сих пор считает его таковым, не сулило финансового успеха, славы, надежды на благополучное устройство семьи на новом месте. Холсты, рисунки, графика — стали связующей нитью с прошлым, памятью о годах студенчества в стенах Одесского художественного училища, об учителях, собратях по творчеству, ибо они — часть его прежней и нынешней жизни. Так начиналась коллекция. И естественно, мой первый вопрос о том, **умышленно ли ее создание?**

— В первую очередь нужно отметить, что коллекция образовывалась как бы сама собой, незаметно. Как медленно проникающая радиация. Независимо от себя втягиваешься в мир прекрасного и уже никуда и никогда не можешь выйти из него. Я вспоминаю армию, а это было 35 лет назад. Мой сослуживец, повар полка Вовочка Новиков, из Иванова, выносил из библиотеки, тайком, на себе, как знамя полка, цветные вкладки из книги о Возрождении. Глаза его блестели страстью, и он говорил: "Я сейчас неплохо поступил, вырвал из альбома листы. Но это же Доменико Гирландайло, Фра Филиппо Липпи, Беато Анжелико. Я не мог устоять!". Откуда у него было такое преклонение перед прекрасным? У повара, пришельца? Истинный Ломоносов!

Думаю, что граница проходит не по образованию, развитию, а по поперечному водоразделу, по природному чутью. Любовь и ощущение искусства не обязательно прерогатива только одних художников. Меня всегда поражало, что многие из них вовсе не интересуются творчеством своих ближайших собратьев по профессии, а если и имеют чьи-то работы, то хранят их на полках мастерских. Видеть вокруг себя ежечасно произведения разных авторов, ведь это такое чудо! Это макромир, не сравнимый ни с чем. Лет десять назад, уже здесь, в Израиле, я по воле случая оказался в дружеской деревне (друзы — замкнутая религиозная секта, отколовшаяся от ислама) на горе Кармель, за Хайфой, в доме Сальмана — печатника и фотографа. Сразу же поразило обилие работ на стенах, среди которых были офорты Рембрандта и Доре. Позже хозяин с чувством благоговения и трепета вынес в специальной папке живопись Веронезе (с музейным номером на тыльной стороне). Дальше в разговоре я спросил его, соблюдает ли он траур по умершему несколько дней назад духовному лидеру общины друзов. Он ответил, что его Бог вот тут, и указал на офорт Рембрандта, висевший на стене. Это к вопросу о причине и поводе.

— **Твоя коллекция достаточно большая. Временные рамки создания работ?**

— Большинство работ, конечно же, XX век. Хотя есть и французский офорт-акватинта XVIII века, а также произведения, созданные уже в XXI веке. Много одесситов, других художников, с которыми мне посчастливилось познакомиться в домах творчества, где я бывал, когда жил в Союзе.

— **Существует какая-либо регламентация работ в твоей коллекции?**

— Я не делаю ограничений по темам, технике и жанрам. Меня интересует диапазон всех направлений. По-видимому, в будущем, по мере увеличения собрания, будет необходимость распределить произведения либо по технике исполнения, либо по направлениям. Но для этого требуется еще одна важная вещь — достаточность места экспонирования.

— **Какие работы в коллекции для тебя особенно ценны?**

— Есть работы, которые покоряют сразу, с первой минуты. Другие же влекут к себе чем-то неведомым, неясным, но позже становятся понятными и близкими. Сейчас бытует такое выражение: "образовалась химия", контакт, что ли. Я очень ценю работы И. Островского, В. Хруща, прекрасные сухие иглы А. Шопина, живопись И. Зомба, гуаши С. Лыкова. Акварели и живопись тончайшего мастера А. Лисовского. Живопись и акварели моих учителей из художественной школы С. Сычова и Н. Зайцева.

"Грустные" акварели и живопись М. Черешни, рисунок В. Стрельникова, этюд Е. Мучника, самобытного И. Бербенца — одного из самых тонких колористов одесской школы. Virtuозного мастера цветного офорта Г. Верещагина. Дороги работы Д. Тронева. Литографии, рисунки и живопись А. Фрейдина, Лопатникова, Лантухова. Я. Ольшанецкий завораживает своей ностальгией по ушедшей Одессе. Из неодесситов — А. Архипов, графика О. Гречиной, В. Попова, Ю. Чарышникова, Г. Суханова, К. Мкртычана, Д. Шанидзе, С. Заровного, А. Суворова, С. Геты, М. Садыкова и, конечно, Остроумовой-Лебедевой.

— **Экспонировалась ли коллекция, отдельные работы на каких-либо специальных выставках?**

— Коллекция еще не экспонировалась целиком, но многие работы публиковались в каталогах и сборниках, выпущенных к отдельным выставкам. Это и одесситы, и художники из других городов. Их много. Не буду перечислять.

— **О каких художниках, входящих в твою коллекцию, хотелось бы упомянуть особо?**

— Несомненно, такие есть. Висящие на стенах моего дома произведения разных авторов стали для меня родными, но взгляд всегда выделяет самых любимых. Это работы А. Лисовского — редкий художник, который, к чему бы ни прикасался — всегда создает необыкновенное. В. Басанец для меня открылся после замечательной выставки в 1980 г. в залах Музея западного и восточного искусства. Макромир его работ внутренне ни на кого не похож. Яркая индивидуальность. Тонкая техника и колорит, а для меня как скульптора — я ведь заканчивал в училище скульптурное отделение — удивительное выраженное чувство формы. Образы неведомых лиц и фигур — тайна, это символы его творений. А. Шопин — мощь фантазии и сложность исполнения. Он, несомненно, звезда на художественном Олимпе Одессы. Мой педагог из художественной школы С. Сычов, казавшийся нам, 12-13-летним школьникам, "странноватым", часто говорил о необходимости работать над этюдом в любом понравившемся месте, не стесняясь публики, даже на перекрестке Дерibasовской и Преображенской, где я его увидел однажды пишущим этюд. Еще он любил повторять о необходимости разглядеть красоту композиции даже в палитре. Только по прошествии времени мне, к сожалению, стало понятно, что его высказывания — моменты истины. Илья Зомб, у которого я часто бывал и видел, как он работает — еще одна яркая личность, родившаяся у Черного моря. "Старики" И. Островского великолепны, и иногда видятся как живопись старых классиков, хотя и несут в себе явно

выраженные элементы неофициальной живописи конца XX века. За месяц до смерти, будучи тяжело больным, он позвонил мне и поведал грустный рассказ о еще одном одесском художнике Ефиме Ладыженском, жизнь которого трагически завершилась здесь, в Иерусалиме, в 1982 году. А Валя Хрущ! Кажется, другого художника за такие работы бы заклевали. Его необъяснимый мир, в котором ничего нет особого, но есть все. Они обладают особым ароматом, если вникнуть и прочувствовать его творчество. Впрочем, это касается многих одесситов. А взметнувшийся вверх А. Ройтбурд! Мощь его потенциала перехлестывает через край. Или Ю. Плисс, который сейчас, по-видимому, один из самых интересных художников нового поколения. Нельзя не отметить виртуоза цветного офорта Г. Верещагина. По правде говоря, я видел на "Сенеже" многих метров офорта, но Верещагин — это явление, на мой взгляд, из ряда вон выходящее. Хочется также отметить упомянутого выше Ивана Кузьмича Бербенца. Он окончил после войны художественное училище вместе с моей мамой. Учились они у Фраермана, Муцельмахера и Мучника. Как-то, лет 40 назад, он подарил ей этюд — закат на море. Не побоюсь сказать, что я всегда считал его шедевром. Это было и есть мое восприятие. А портрет матери вообще, как мозаика — каждый мазок "в яблочко" и сходство огромное. К сожалению, Бербенца поглотило ненасытное чрево Худфонда, где пропали очень многие таланты. Многие метры Союза художников считали его, и не без основания, самым сильным живописцем Одессы. Собственно, эти две работы Бербенца и положили начало моей коллекции. Еще я очень люблю работы С. Лыкова. Великолепные и ни на кого не похожие. Вот, наверное, самое главное в моей коллекции, хотя дорого все. Не буду повторяться.

— **Пополняется ли коллекция в настоящее время?**

— Коллекция растет. Из последних приобретений литография умершего в Израиле выпускника Одесского художественного училища 1919 года И. Фринеля, чей музей действует в Цфате. Гуашь бывшего одессита и ученика нашего училища В. Штивельберга, живущего ныне в Канаде. Есть и несколько новых работ одесситов. Среди них — В. Рисовича, творчество которого всегда привлекало меня своим неповторимым ощущением Одессы. Появились произведения Н. Каплуновича из Минска и Б. Лучанского из Алма-Аты (оба живут в Израиле), С. Тюканова из Калининграда. К сожалению, желание увеличить собрание не всегда соответствует возможностям и ограничено пространством для экспонирования, что вынуждает подбирать работы небольших размеров.

— **Как представляешь будущее своей коллекции?**

— Я останусь там, где живу сегодняшним днем. Былые впечатления

и воспоминания все еще потрясают душу. Понимаю, что чрезмерные планы на будущее редко выполнимы. Радуюсь работам, висящим на стенах моего дома. Они дают силы и моему творчеству тоже. Это немало. Надеюсь, что когда-нибудь собрание все же будет представлено взору публики. Пока конкретных планов нет. И несколько мыслей попутно. Большое видится на расстоянии. Это к тому, что когда в интернете встречаюсь с одесскими художниками, то воочию вижу, какой мощный пласт творцов родила Одесса. И самое главное, что ни запреты, ни застой, ни перестройки не повлияли на пробивавшиеся сквозь серый асфальт и обыденность толпы таланты. А сегодняшняя вседозволенность и "горжество рынка", видимо, не всегда сопутствует истинным и искренним произведениям. Это парадокс жизни.

— **Думаю, что о коллекции ты рассказал главное. Теперь немного о своем творчестве. Я знаю, что ты давно экспериментируешь в графических техниках, создаешь работы в их сложных сочетаниях. О твоём методе рассказать непросто, тем не менее, он успешно реализуется. Есть выставки, и даже награды.**

— Да, действительно, работаю много. Стараюсь работать каждый день в меру возможностей в разных техниках. Хочется максимально выразить себя в выявлении формы, "заплавлять" в единое целое некие эклектические элементы. Моя технология действительно сложна. Пока ищущи пути максимального "изобразительного заполнения", хотя мечтаю когда-то создать работы малыми (менее трудоемкими. — **Т. Б.**) средствами. Кстати, я давно понял, что размер произведения не так уж важен. В небольшом формате можно выразиться максимально целостно и полно. Работы, невзирая на размер, конечно же, несут отпечаток автора, его автограф. А еще очень хочется вновь побывать в Одессе, и может быть, сделать небольшую выставку своих работ, возможно, показать свою коллекцию.

Р. С. В последнем письме Гриша прислал свои воспоминания о С. Сычове, узнав о его смерти. Искренние и трогательные слова. Там же находилась и вырезка из местной газеты, где сообщалось о новом теракте в Иерусалиме, унесшем жизни взрослых и детей. Ее сопровождал грустный комментарий художника. Привожу его дословно: "Посылаю тебе статью из нашей прессы как фон нашей ежедневной жизни. Увы, тут как бы не до коллекций. Ну, ничего. С помощью Всевышнего мы преодолеем всех наших врагов. Аминь".

